

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

sawiz@onego.ru

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВХОЖДЕНИИ КРЫМА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2014 ГОДУ

Встряхнувшее российскую общественную жизнь вхождение Крыма в состав Российской Федерации подняло перед отечественными историками ряд проблем: терминологическое определение данного события, анализ его причин, движущих сил, позиции крымских татар и роль России в прошедших событиях. Став важным историческим рубежом, «крымская весна» заставила историков работать в непривычных для себя условиях – минимуме источников, конкуренции со стороны представителей других общественных наук и сильной политической ангажированности, что стало проверкой на профессионализм. Доминирующей (но не единственной) стала патриотическая концепция, согласно которой возвращение Крыма в Россию является закономерным процессом в условиях политики независимой Украины. В анализируемых особенностях автор видит начальный этап развития российской историографии по данному вопросу.

Ключевые слова: российская историография, Крым, патриотизм

Вхождение Крымской автономной области Украины в Российскую Федерацию в 2014 году поставило много вопросов как перед политиками, так, чуть позже, и перед экономистами и историками. В 2017 году завершается первое трехлетие существования Крыма в составе России, и можно подводить первые итоги изучения историками этого неоднозначного события. При этом предварительные итоги изучения крымской проблемы уже подводят политологи [18] и филологи [7], [30].

Несмотря на обилие публикаций, их содержание часто перекликается между собой из-за узкого круга источников. За три года опубликованы сборники воспоминаний участников событий «крымской весны», нормативных актов и материалов средств массовой информации [8], [14], [17], частично воссоздающих картину общественного мнения в России по крымскому вопросу. Их освоение идет обычными темпами, и на сегодняшний день можно назвать лишь одну публикацию, основанную в том числе и на указанных материалах [29]. Тем не менее отсутствие доступа к источникам по различным (например, военным) сторонам проблемы не дает возможности всестороннего анализа прошедших событий.

Важно определить, является ли анализируемая литература именно научно-исторической. Обилие политических трактовок и «журналистских расследований» прошедших событий без труда заслоняет работы историков, пытающихся без эмоций анализировать беспрецедентное для последней четверти века российской истории явление. При этом эйфория от прошедшего события еще не закончилась, его экономические и политические последствия до конца себя не прояви-

ли, критические голоса в отношении «победы России» быстро заглушаются, а их авторы порой шельмуются. Тем не менее быстро ощущалась потребность не просто в научном осмысливании произошедшего и пропаганде его положительных итогов, но и в выпуске элементарных пособий для учебных заведений, объяснении публикуемых источников и систематизации разнородной информации. Поэтому изначально свойствами «начального» этапа отечественной историографии данного вопроса предлагается считать эйфоричность, оперирование относительно небольшими объемами источников, а также отсутствие ясного понимания последствий произошедших событий. Все это иногда напоминает историческую публицистику даже под пером известных историков.

Важно отметить, что в условиях повышенной актуальности проблемы изучение историографии не может ограничиваться анализом немногочисленных статей, очерков и монографий: историки высказываются в прессе, об их мнениях спорят, и все это влияет на дальнейшее развитие исторической науки. Кроме того, в подобных условиях велика роль междисциплинарного подхода: помимо историков, крымская проблема изучается экономистами, политологами и специалистами других научных областей. Безусловно, ограничение при этом первичного этапа тремя годами носит искусственный характер, однако оно позволяет выделить хотя бы промежуточные итоги развития исторической мысли в данном направлении.

Одним из краеугольных вопросов научной исторической мысли применительно к крымской проблеме 2014 года является ее понятийное

определение. В отечественной журналистской среде при ответе на вопрос «Что это было?» активно используются термины «присоединение» (с подтекстом о силовой составляющей) и «воссоединение» (по аналогии с предыдущими веками российской истории); термины «захват» и «аннексия» на фоне общественной эйфории не прижились. Анализируя основные особенности прошедшего события в издании «Новое время» («The New Times»), профессор МГИМО, доктор исторических наук А. Б. Зубов предложил использовать термин «аншлюс» [12], за что был уволен в марте 2014 года, восстановлен под давлением общественности в апреле и вновь уволен в конце июня того же года в связи с истечением срока контракта. Не вдаваясь в причины, почему специалист по востоковедению и истории религии решил озвучить свое личное мнение по актуальнейшему вопросу 2014 года, все же стоит указать на сложившуюся традицию определения «аншлюс» как события 1938 года; внешнее сходство с крымскими событиями (последствия мирового экономического кризиса, общность языка и ряда традиций у объединяющихся территорий, успешное проведение референдума, смена руководства присоединяемой области, использование силовых структур) не меняет в общественном и научном сознании этого стереотипа. Автоматическое проецирование фигуры одиозного немецкого лидера на российскую современность вызвало обоснованную жесткую реакцию руководства ведомственного вуза, от воспитания выпускников которого во многом зависит будущее международное положение страны.

Официальное определение процессу дал Президент Российской Федерации В. В. Путин, поздравивший крымчан с «возвращением домой». Речь о Крыме была провозглашена одной из лучших в его политической карьере [25: 58] и разобрана на отдельные «крылатые фразы» [10: 16–17]. Усиленный редактором для руководителя страны сентиментальностью, термин «возвращение» (свободный от посторонних аналогий) удачно вошел в публистику, но на данный момент в научной литературе не является общепринятым¹.

В этой связи полезным стало студенческое исследование М. Г. Фортуновой (СПбГУ), представившей результаты контент-анализа основных российских периодических изданий и интернет-площадок к началу 2016 года. Основная борьба разгорелась между терминами «аннексия» (оппозиционные СМИ) и «присоединение» («патриотические» проправительственные СМИ) при сильном перевесе последнего [26].

Претензии России на роль «дома» для крымчан спустя полгода подверглись аргументированной критике со стороны А. Б. Зубова. По его мнению, «РФ вряд ли может претендовать на какие-либо земли только на том основании,

что когда-то они были частью империи Романовых» [13]; на подобном основании Крым можно было бы считать, например, турецким. Оставаясь на позициях формально-юридического подхода, автор предложил следовать примеру референдума о суверенитете Шотландии в Великобритании. Однако формальная логика совершенно проигнорировала накал обстановки в Киеве после антиконституционного переворота, разгул национализма и слабость демократических традиций на территории бывшего СССР. После этого интерес А. Б. Зубова к крымской проблеме ослаб.

Указанный главой государства вектор с энтузиазмом был воспринят другими исследователями, не скрывающими политической актуальности своего подхода даже в заголовках работ. Так родился вывод о том, что «отделять Украину, а именно Крым, от России нельзя по причине сложившихся исторических традиций и тесных взаимосвязей народов и территорий» [4: 20]. Можно не сомневаться, что если бы у российского руководства в отношении Украины были планы более масштабные, чем возвращение одного лишь полуострова, реферативные труды таких историков стали бы весьма востребованными.

Другим важным вопросом остаются причины событий 2014 года. В своей посмертно изданной статье доктор экономических наук, профессор Института экономики РАН А. Н. Быков выделил три причины, «заставившие президента В. Путина с учетом результатов крымского референдума без кровопролития обеспечить воссоединение полуострова Крым с Россией»: дальнейшее обострение ситуации на Украине, угроза русскоязычному населению Крыма и российской военно-морской базе в Севастополе [3: 61]. Схожая точка зрения высказана Г. А. Цыкуновым [27: 553]. Восприятие позиции Президента как вынужденной, пассивной, подчиненной итогам референдума диссонирует с указанной возможностью обеспечить без кровопролития воссоединение полуострова (географический термин) с Россией (термин политический). Подобная эклектика во многом объясняет эмоциональностью сложившейся обстановки.

Более подробный анализ причин крымского «сепаратизма» был дан во вступительной статье главного редактора севастопольской газеты «Колесо» С. П. Кажанова к сборнику воспоминаний участников событий февраля – марта 2014 года в Севастополе. Нося во многом мемуарный оттенок, статья хорошо структурирована, но не выдержана стилистически. Автор указывает на четыре причины народного недовольства: экономическая деградация за «23 года украинской оккупации», тотальная коррупция, стремление украинских властей к уничтожению устоявшихся идеологических ценностей (автор называет это этноцидом – уничтожением национальной идентичности), а также экономический кризис

(рост внешнего долга до 140 млрд и снижение золотовалютных запасов до 15 млрд долларов) [14: 3–11].

На роль украинской политики до Майдана указала и кандидат экономических наук М. А. Дерябина. По ее мнению, власть «клана Януковичей и приближенных магнатов бизнеса» характеризовалась «абсолютно неконтролируемой коррупцией, вымогательствами, формированием агрессивно настроенных временных группировок, ловко орудующих популистскими лозунгами». По данным автора, за последние три года существования режим перекачивал из бюджета в пользу правящего клана по 10 млрд долл. ежегодно [11: 16]. В итоге еще до событий на Майдане от правящей украинской элиты отвернулась значительная часть населения, в том числе и крымского.

Данный подход активно поддержало Русское военно-историческое общество, под эгидой которого (и с предисловием министра культуры В. Р. Мединского) был выпущен сборник очерков «История Крыма»²; главы по истории региона 1990–2000-х годов принадлежат московскому историку А. Н. Романову. По его словам, материалы всей главы, посвященной периоду 1991–2014 годов, «призваны убедить читателя в том, что к началу 2014 года власти Украины сделали почти все для того, чтобы крымская автономия имела все основания для того, чтобы “отложитьсь” от государственности с центром в Киеве» [20: 452]. Что ж, наверное, убедили. Однако у подобных авторов ни разу не встречается упоминание о том, что к концу указанного периода украинское правительство пользовалось активной поддержкой со стороны российского руководства.

На первоначальном отсутствии у нового крымского правительства намерений отделиться от Украины акцентировал внимание доктор исторических наук О. В. Волобуев. Однако нелегитимность и неэффективность киевской власти (у В. Януковича автор вовсе диагностировал клептоманию), политическая нестабильность, нарастающее влияние националистического экстремизма и неконтролируемого насилия привели к референдуму 16 марта о статусе Крыма. При этом автор открыто призывает не «кивать на “руку Москвы”, ибо неласковая к Крыму “рука Киева” двадцать с лишним лет готовила результат» [5: 25–27]³. Подобная стилистическая пафосность причудливо ужилась на одной странице с иронией историка в отношении художественного стиля публикаций других авторов.

Затушевывание заинтересованности России в возвращении Крыма характерно для многих работ, в том числе и учебного пособия для школьных учителей, выпущенного по «горячим следам» в 2014 году видным специалистом по истории России XVII – начала XVIII века

К. А. Кочегаровым. Анализируя крымско-российские исторические связи с X века, автор попутно проводит прямые параллели между личностями двух Владимирам – X и XXI веков. Это право автора, хотя невольно возникает вопрос и о роли третьего Владимира (Ленина) в сохранении Крыма под советской властью. К положительным сторонам работы можно отнести хорошее знание фактического материала по истории 1991–2014 годов (на момент выхода пособия в другой литературе не упоминаемого). Автор не отрицает наличие человеческих жертв в ходе событий февраля – марта 2014 года, но в целом акцентирует внимание на мирном характере процесса. При этом автор допускает терминологические неточности: так, под термином «Третья оборона Севастополя» он подразумевает весь период 1991–2014 годов [16: 39], хотя сами крымчане относят его лишь к февральско-мартовским событиям 2014 года.

Более досадной особенностью работы стала демонстративно узкая источниковая база: автор использует исключительно цитаты из Послания Президента Российской Федерации от 18 марта 2014 года, причем в очень больших объемах. При этом автора не насторожило расхождение его собственного текста с текстом Послания, отрицавшего наличие человеческих жертв в ходе событий. Кроме того, рассчитанное на работников образования, пособие не содержит графических карт Крыма, глоссария, списка рекомендуемой литературы – всего того, что реально помогло бы учителям совершенствовать свое мастерство.

Таким образом, корни конфликта авторы видят в украинской политике, приведшей Киев к демонстрациям на Майдане, а крымчан – к мысли об отделении. Вывод в виде известного лозунга «Спасибо Майдану за Россию!» в этом смысле выглядит вполне логичным. Роль же таких факторов, как финансовые вливания, деятельность официальных партий, работа спецслужб иностранных государств, кажется авторам слишком преувеличенной, а конспирологический подход – несостоятельным.

Очень важное место занимает вопрос о движущих силах крымских событий. Классическим вариантом изложения можно считать работу С. П. Кажанова, в которой движущим силам отведен отдельный раздел [14]. По его мнению, «движущей силой любой революции является народ», частью которого автор считает и себя. Однако целесообразно было бы уточнить: движущие силы – это силы, движущие куда, в каком направлении? В событиях принимали участие административные структуры (шокированные событиями в Киеве, но настроенные против сепаратистских тенденций), общественно-политические организации (в том числе запрещенный в 2016 году в России «Меджлис крымско-татарского народа», влияние которого на общественность

не преувеличивают практически все авторы), представители отдельных партий и просто граждане. В уточненном варианте одной из основных движущих сил С. П. Кажанов называет севастопольское общественное движение «Республика», одним из создателей которого он являлся. При этом из перечисления различных акций видно, что на общем фоне спонтанно возникшее объединение первоначально смотрелось не влиятельнее остальных, отличаясь лишь изначальным стремлением вывести Севастополь из «политического и правового поля Украины». Подобная идея выглядела слишком радикальной, но ухудшение ситуации в Киеве и приглашение такого лидера, как российский гражданин А. М. Чалый, усилили влияние «сепаратистов».

Одной из причин роста авторитета «Республики» автор называет открытую поддержку со стороны Всемирного русского народного собора под эгидой Русской православной церкви, призвавшего к защите Севастополя от насилия, а исторических памятников города, «имеющих особое значение для судеб Российской цивилизации – от осквернения и уничтожения» [14]. Большое влияние данного заявления, признанное создателями «Республики», может говорить о надуманности рассматриваемого ранее тезиса об отсутствии иностранного влияния на крымские события. Другое дело, что Россию данная движущая сила иностранной державой уже не считала. Представленная полумемуарная работа может быть иллюстрацией к тезису О. В. Волобуева о крайней политизированности имеющейся источниковой базы о крымских событиях [5: 20].

Широкую панораму развития общественного движения к 2014 году проанализировал профессор Южно-Российского института РАНХиГС С. А. Кислицын, показав Крым и конкретно город Севастополь в качестве форпостов борьбы против распространения украинского национализма [15: 50]. При этом автор акцентировал внимание на роли бизнес-элиты полуострова, тесно связанной с российским предпринимательством, в частности А. Чалого (представленного в статье уже создателем «Республики») и «крупного предпринимателя» А. Аксенова. Подобный взгляд на руководителей крымских событий в других российских исследованиях пока не встречается, но обильно представлен в украинских СМИ.

Влияние России на крымские события рефлексно показано в книге А. Б. Широкорада, подписанной в печать уже в апреле 2014 года. Не вдаваясь в различные оценки творчества А. Б. Широкорада как историка, стоит отметить его высокую квалификацию как военного специалиста. Вполне естественно, что участие российских вооруженных сил в крымских событиях стало центром внимания автора: он перечислил практически весь украинский и российский корабельный состав вплоть до бортовых номеров,

описал переброску вооруженных сил из России (с уточнением, что их численность не превысила существовавших договоренностей с Украиной) и указал на проведение отнюдь не мирных акций Черноморского флота РФ в заливе Донузлав, бухтах Севастополя и других районах [28: 311–324]. Для работы, выпущенной по горячим следам, подобная фактографичность – вклад немалый. Ну а дальше, как и ожидалось, пошло цитирование президентского Послания.

Работа А. Б. Широкорада сильно контрастирует с духом остальной литературы, и дело не в ее значительной публицистичности (это как раз сближает). Автор громче других говорит о значительной роли российского военного фактора в крымских событиях, а в издании 2016 года дает почти почасовое описание ввода российских войск на полуостров со ссылками на украинские источники информации [29]. Это не во всем соответствует официальному российскому политическому мнению о сущности событий 2014 года, хотя изначально никаким секретом деятельность черноморских моряков и «вежливых людей» не являлась. Подобное расхождение (как и резкая критика «дружественного» режима Януковича учеными из Института экономики РАН) говорит о достаточно свободном подходе к изучению крымских событий среди российских ученых. При этом общий патриотический оттенок в оценке ситуации сближает российских историков (кроме, конечно, А. Б. Зубова) с официальной концепцией.

Большинство других исследователей не придают военному фактору большого значения. В литературе можно встретить фразы о том, что у «вежливых людей» были «некоторые проблемы при взятии под контроль отдельных воинских частей, но, к счастью, обошлось практически без стрельбы» [9: 651]. На научный подход эти зачастую обстоятельные, широкие по тематическому охвату работы не претендуют. Показателен при этом подход Российского военно-исторического (!) общества: в очерке о событиях 2014 года «“сухой остаток” из бурных событий начала 2014 года» для удобства читателей выделен курсивом и включает события 11 марта – 1 июня без каких-либо упоминаний о военном факторе. Соответственно, вхождение Крыма в состав России произошло «в кратчайшие сроки и без единого выстрела» [20: 454–455].

Постепенно в историографии вырисовывается такой вопрос, как позиция крымско-татарского населения в отношении вхождения Крыма в Россию. Этот вопрос сложен как в этическом, так и в политическом отношении, так как единого мнения среди крымских татар по нему действительно нет. Ориентируясь на результаты выборов 2012 года, пророссийски настроенный общественный деятель Васми Абдураимов в интервью информационному агентству IslamNews оценил

поддержку упоминаемого в большинстве случаев Меджлиса лишь в 18 % членов крымско-татарской общины; 10–15 % членов были не согласны с линией его руководства, а 60–70 % были аполитичны (<http://www.islamnews.ru/news-144534.html>). Эти цифры, с некоторыми неточностями, активно используются авторами [9: 650], [28: 326]. Профессор Академии ВЭГУ (г. Уфа) В. К. Самигуллин так сформулировал интересующие нынешнее общество вопросы. Являются ли крымские татары особым этносом? Должны ли они бороться за культурную автономию или должны отстаивать право на автономию национально-территориальную? Должны ли они стремиться к образованию суверенного государства? При этом сам автор признает как вариант бессмысленность поставленных им же вопросов [23: 18]. Этому вторит и тезис А. Н. Михайленко о том, что за 2014–2015 годы Россия для крымско-татарского народа «сделала больше, чем Украина за всю свою независимую историю» [18: 35].

Впечатление об этническом вопросе как о наименее изученном пропало после выхода работы профессора Таврической Академии Т. А. Сенюшкиной. Автор справедливо отметила неоднородность мнений крымско-татарской элиты в отношении присоединения к России и наличие оппозиционных Меджлису движений еще до 2014 года, вылившееся в создание общественной организации «Крым Бирлиги». Лояльное отношение большинства крымских татар к произошедшим событиям видится автором как результат нормативного творчества российского руководства (указ Президента № 268 от 21 апреля 2014 года), по сути впервые признавшего факт незаконности депортации крымского населения 70-летней давности и необходимость восстановления его имущественных и культурных прав. Все это сыграло свою роль в деполитизации этнического фактора в Крыму [24: 82–83].

Важным вопросом могла бы стать реакция международной общественности на события в Крыму. Как ни странно, в научной среде более подробно анализируется позиция не Евросоюза или США, а Турецкой Республики. Это объясняется важностью роли Турции в Причерноморье. Отмечая неоднозначность позиции Турции в отношении крымского вопроса и ее зависимость от общей линии НАТО, Н. С. Белякова считает официальную позицию Анкары «скорее осторожной, чем прозападной» [2: 15]. Объектом интереса Турции, по мнению автора, является крымско-татарское население, а также российский Черноморский флот. Неприсоединение этой страны к антироссийским санкциям может говорить о самостоятельности Турции в своих отношениях с Россией и сохранении двусторонних связей на прежнем уровне; подобные формулировки накануне ухудшения российско-турецких отношений были довольно ценные. Интересны также межdisciplinarnye исследования отечественных фило-

логов, анализирующих зарубежные публикации СМИ по крымской проблеме [7], [30].

Нельзя сказать, что авторов не волнуют последствия принятия Крыма в состав России, тем более что их экономическую сторону ощущали едва ли не все россияне. Тем не менее на сегодняшний момент эти последствия во многом еще перспективны и потому пока не могут быть объектом рассмотрения для профессионального историка. Важно лишь заранее оговорить опасность подмены понятий в данном вопросе: указываемые авторами последствия могут относиться не напрямую к крымской проблеме, а к мировому экономическому кризису в целом, политике Украины, начавшемуся распаду Евросоюза или к проводившейся до этого в России политике «стабильности». До анализа последствий именно вхождения Крыма в состав России должно пройти еще достаточное количество времени.

Безусловно, в данной статье освещены не все публикации, посвященные возвращению Крыма и претендующие на статус научных. Так, несмотря на уважение к патриотическим настроениям в общественной жизни, автор не смог найти ничего научно-исторического в работе Н. В. Старикова и Д. П. Беляева, подписанной в печать в июле 2014 года. Слово «История» в названии книги выделено на обложке красным шрифтом. Действительно, после реферативного обзора событий, материалы для которого взяты с новостных сайтов, авторы стали углубляться в предыдущие страницы истории («мы договорились плыть по реке времени вспять» [25: 60]). Это привело к «опрокидыванию» современных представлений в прошлое, нарушению принципа историзма и к логичному при таком подходе выводу, что «Крым – неотъемлемая часть России, это важнейшая часть Русского мира» [25: 231]. Такой характеристике могли бы позавидовать даже Москва и Санкт-Петербург.

Вполне естественно, что при обилии подобных текстов «общий тон публикаций в российских СМИ повторил официальную риторику российской политической элиты» [7: 58]⁴. В подобных публикациях прослеживается стремление переписать историю, исходя из новой политической ситуации. В данный период подобная тенденция уже набирает силу. Историко-правовой подход в этом отношении был предложен доктором исторических наук В. Э. Багдасаряном, указавшим на слабые места украинских конституций 1978–1996 годов. Логические размышления привели автора к тезису об аннексии Крыма Украиной в 1990-х годах [1: 32]. Таким образом, «возвращение» полуострова в состав Российской Федерации очень скоро будет представляться долгожданным исправлением ошибок 1954–1996 годов, безальтернативным результатом борьбы патриотически настроенных крымчан против украинской политики, уже сейчас провозглашаемой «грабительской».

Менее тенденциозной представляется работа подполковника полиции, кандидата юридических наук О. А. Мироновой (Симферополь), проанализировавшей историю правовой борьбы Крыма за свой суверенитет. Показывая затухание этой борьбы к концу 1998 года, автор не объясняет причин ее резкого обострения спустя полтора десятилетия [19: 7]. Анализ украинских событий в задачи исследования не входил, хотя до этого позиция Верховной Рады кратко освещалась. Подобная краткость нарушила стройность изложения материала, логически приведшего к выводу о Крыме как о неотъемлемой части Украины. Подобные тенденции могут говорить о таком явлении, как «политика памяти», стремящейся легитимировать отдельные шаги во внешней политике государства [6], [21]. При этом сторонники такой точки зрения почему-то используют термин «присоединение», а не «возвращение» Крыма.

Таким образом, прошедшие несколько лет стали все же малым сроком для оформления крупных по-настоящему научно-исторических публикаций, посвященных актуальным (если не сказать переломным) событиям современности. За это время не произошла окончательная кристаллизация направлений дальнейшего изучения крымских событий. Однако именно в таких случаях ярче проявляется профессиональный почерк историков и представителей других специальностей, их умение формировать источниковую базу своих исследований и беспристрастно подходить к анализу материала. Следующий этап развития отечественной историографии «возвращения Крыма» должен быть связан с расширением круга используемых источников, меньшей эмоциональностью, большим вниманием к оппозиционным точкам зрения, а также способностью анализировать последствия событий 2014 года. Насколько скоро это станет возможным – покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Несмотря на то, что Послание представляет собой несомненный исторический интерес, автор данной статьи не считает возможным его анализ в качестве историографического материала. На сегодняшний момент это официальный документ политической направленности, для историографического анализа которого требуется хотя бы установить полный список его реальных авторов, не говоря уже об используемой слабой источниковской базе.
- ² Эта книга сразу собрала значительное количество положительных рецензий, принадлежащих в основном перу доцента севастопольского филиала Академии труда и социальных отношений Е. И. Рябовой. Справедливо отмечая первенство данного издания в комплексном изучении истории Крыма с древнейших времен до воссоединения с Россией для нашей историографии, автор наделяет издание статусом коллективной монографии [22], хотя в самой книге это не указано; не указаны и фамилии рецензентов этого по сути научно-популярного издания.
- ³ Примечательно, что материалы круглого стола с выступлениями известных российских историков были опубликованы в разделе «Политология». Это показывает, насколько неудобно себя чувствуют специалисты-историки при анализе сложной современной проблемы.
- ⁴ К сожалению, приведенные в данной цитате авторы использовали очень узкий круг источников российской прессы: проигнорированы публикации А. Б. Зубова и вышедшие в 2015 году отдельным изданием материалы дискуссии юристов Е. А. Лукьяновой и В. Д. Зорькина [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян В. Э. Историко-правовые основания легитимности самоопределения Крыма: [Круглый стол «Украинский кризис 2013–2014: причины и последствия»] // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 28–33.
2. Белякова Н. С. Крым и российско-турецкие отношения // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 1 (300). С. 17–27.
3. Быков А. Н. Украинские события и их воздействие на интеграционный процесс на постсоветском пространстве // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2014. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 59–72.
4. Волкова Е. А. Исторические связи России и Крыма в контексте современного политического развития // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 2 (10). С. 18–24.
5. Волобуев О. В. Бунтующая Украина и мятежный Крым: [Круглый стол «Украинский кризис 2013–2014: причины и последствия»] // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 20–28.
6. Гигаури Д. И. Политика памяти как символический фактор легитимации внешней политики государства (на примере присоединения Крыма к России) // Россия в новом geopolитическом измерении. СПб., 2016. С. 7–11.
7. Голоусова Е. С., Амиров В. М. Крымский референдум и интерпретация его итогов в СМИ (на примерах анализа российской и американской печати) // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 55–59.
8. Григорьев М. С., Ковтид и О. Ф. Крым: история возвращения. М., 2014. 400 с.
9. Дельнов А. А. Крым: большой исторический путеводитель. М., 2016. 656 с.
10. Демьяненко Ю. А. Республика Крым и Севастополь в составе федеративной России: новый ответ Западу // Университеты и их роль в социально-экономическом развитии регионов: Сб. материалов XX Академических чтений Международной академии наук высшей школы. М., 2014. С. 13–24.
11. Дерябина М. А. Украина в оптике институциональной теории // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2014. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 13–24.
12. Зубов А. Б. Аншлюс без кавычек // Новое время: The New Times. 2014. № 7 (320).
13. Зубов А. Б. Крым наш? // Ведомости. 2014. 2 октября. № 3687.
14. Кажанов С. П. Самый долгий день защитника Отечества // «Чегевара прилетает утром...»: Воспоминания сепаратистов. Севастополь, 2015. С. 3–20.
15. Кислицын С. А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской Автономной Республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. № 8. С. 48–54.

16. Кочегаров К. А. Крым в истории России: Методическое пособие для учителей общеобразовательных организаций. М., 2014. 48 с.
17. Лукьянова Е. А. #Крымнаш. Спор о праве и скрепах двух юристов и их читателей. М., 2015. 144 с.
18. Михайленко А. Н. Крым год спустя // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 3 (81). С. 30–38.
19. Миронова О. А. Этапы государственного строительства в Крыму // Развитие государственности и права в Республике Крым. Краснодар, 2016. С. 3–10.
20. Романов А. Н. Георгиевские цвета снова над Крымом. Воссоединение Крыма с Россией. 2014 год // История Крыма. М., 2015. С. 452–461.
21. Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. Иваново, 2014. С. 40–50.
22. Рябова Е. И. Рецензия на коллективную монографию «История Крыма» // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 2 (80). С. 183–184.
23. Самигуллин В. К. Крым: историко-правовой аспект // Проблемы востоковедения. 2014. № 3 (65). С. 13–19.
24. Сенюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4. С. 75–91.
25. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб., 2015. 256 с.
26. Фортунова М. Г. Российские СМИ о воссоединении Крыма с Россией: опыт контент-анализа // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2. С. 94–100.
27. Цыкунов Г. А. Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. 2015. Т. 25. № 3. С. 550–555.
28. Широкорад А. Б. Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию. М., 2014. 352 с.
29. Широкорад А. Б. Крым – 2014. Как это было? М., 2016. 352 с.
30. Golousova E. S. The reconnection of Crimea as viewed by the Turkish media // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2015. № 5. Р. 227–254.

Savitskiy I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE CRIMEA ENTERING RUSSIAN FEDERATION IN 2014

The Russian society was roused when the Crimea joined the Russian Federation. This has raised some issues for our historians, such as terminology to define the case in question, analysis of its background, the driving forces, the opinion of the Crimean Tatars, and the role of Russia in the episode in focus. Announced as an important historical event, the Crimean phenomenon forced historians to face an unusual situation since there is only scarce information and powerful political bias, which turned into a real challenge for their professionalism. The dominant (though not the only one) concept is a patriotic one, which promulgates the return of the Crimea back to Russia to be legitimate, given the policy of the independent Ukraine. The author elaborates on the initial stage of historiography on that issue.

Key words: Russian historiography, the Crimea, patriotism

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. Historical and Legal Basis for the Crimea Self-Determination Legitimacy: Ukrainian 2013–2014 crisis: causes and consequences (Round table) [Istoriko-pravovye osnovaniya legitimnosti samoopredeleniya Kryma: Ukrainskiy krizis 2013–2014: prichiny i posledstviya (Kruglyy stol)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2014. № 1. P. 28–33.
2. Belyakova N. S. The Crimea and the Russian–Turkish Relations [Krym i rossiysko-turetskie otnosheniya]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel’ – Observer* [Scientific-analytical journal Obozrevatel – Observer]. 2015. № 1 (300). P. 17–27.
3. Bykov A. N. Events in the Ukraine and their Impact on the Integration Processes on the Former Soviet Union Territory [Ukrainskie sobytiya i ikh vozdeystvie na integratsionnyy protsess na postsovetskem prostranstve]. *Vestnik nauchnoy informatsii. № 2. Ukrainskiy krizis: prichiny, evolyutsiya, uroki* [Bulletin of scientific information]. Moscow, IE RAN Publ., 2014. Part 1. P. 59–72.
4. Volkova E. A. Historical ties of the Crimea and Russia in the context of modern political development [Istoricheskie svyazi Rossii i Kryma v kontekste sovremenennogo politicheskogo razvitiya]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroyitel’nogo universiteta. Seriya: “Sotsial’no-gumanitarnye nauki”* [Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: “Social Sciences and Humanities”]. 2016. № 2 (10). P. 18–24.
5. Volobuev O. V. The Revolting Ukraine and the Rebellious Crimea: Ukrainian 2013 – 2014 crisis: causes and consequences (Round table) [Buntuyushchaya Ukraina i myatezhnyy Krym: Ukrainskiy krizis 2013–2014: prichiny i posledstviya (Kruglyy stol)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2014. № 1. P. 20–28.
6. Gigauri D. I. The Policy of Memory as a Symbolic Factor of Governmental Foreign Policy (The Case of Crimean Annexation to Russia) [Politika pamyati kak simvolicheskiy faktor legitimatsii vneshey politiki gosudarstva (na primere prisoedineniya Kryma k Rossii)]. *Rossiya v novom geopoliticheskem izmerenii*. St. Petersburg, 2016. P. 7–11.
7. Golousova E. S., Amirov V. M. The Crimean referendum and interpretation of its results in mass media (on the example of the analysis of the Russian and American press) [Krymskiy referendum i interpretatsiya ego itogov v SMI (na primerakh analiza rossiyskoy i amerikanskoy pechati)]. *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 2. P. 55–59.
8. Grigorev M. S., Kovitidi O. F. *Krym: istoriya vozvrashcheniya* [Crimea: History of Return]. Moscow, 2014. 400 p.
9. Delinov A. A. *Krym: bol’shoy istoricheskiy putesvoditel’* [Crimea: Large Historical Guidebook]. Moscow, 2016. 656 p.
10. Demyanenko Y. A. The Republic of Crimea and Sevastopol within Federal Russia: New Response to the West [Respublika Krym i Sevastopol’ v sostave federativnoy Rossii: novyy otvet Zapadu]. *Universiteti i ikh rol’ v sotsial’no-ekonomicheskem razvitiu regionov*. Moscow, 2014. P. 13–24.
11. Derybina M. A. The Ukraine within Institutional Theory [Ukraina v optike institutsional’noy teorii]. *Vestnik nauchnoy informatsii. № 2. Ukrainskiy krizis: prichiny, evolyutsiya, uroki* [Bulletin of scientific information]. Moscow, IE RAN Publ., 2014. Part 1. P. 13–24.

12. Zubov A. B. Pure Anschluss [Anshlyus bez kavychek]. *Novoe vremya: The New Times*. 2014. № 7 (320).
13. Zubov A. B. Does the Crimea Belong to Us? [Krym nash?]. *Vedomosti*. 2014. 2 Oktyabrya. № 3687.
14. Kazhanov S. P. The Longest Day of the Defender of the Motherland [Samyy dolgiy den' zashchitnika Otechestva]. "Chegevara priletaet utrom...": *Vospominaniya separatistov*. Sevastopol, 2015. P. 3–20.
15. Kisilitsin S. A. Political importance of civil society activities of Sevastopol and the Crimea in the period of struggle for the reintegration of the Crimean Autonomous Republic in the Russian Federation [Politicheskoe znachenie deyatel'nosti grazhdanskogo obshchestva Sevastopolya i Kryma v period bor'by za reintegratsiyu Krymskoy Avtonomnoy Respubliki v Rossiiyku Federatsiyu]. *Vlast'*. 2016. № 8. P. 48–54.
16. Kochegarov K. A. *Krym v istorii Rossii: Metodicheskoe posobie dlya uchiteley obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [The Crimea and the History of Russia: Study Guidelines for Comprehensive Education Facilities]. Moscow, 2014. 48 p.
17. Lukyanova E. A. #Krymnash: spor o prave i o skrepakh dvukh yuristov i ikh chitateley [#Crimnash. Arguments on the Rights and Bonds of Two Lawyers and their Readers]. Moscow, 2015. 144 p.
18. Mihailenko A. N. The Crimea, a Year after [Krym god spustya]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2015. № 3 (81). P. 30–38.
19. Mironova O. A. Stages of Statecraft in the Crimea [Etapy gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu]. *Razvitiye gosudarstvennosti i prava v Respublike Krym*. Krasnodar, 2016. P. 3–10.
20. Romanov A. N. Colors of St. George in the Crimea. Reunification of the Crimea and Russia. The Year 2014 [Georgievskie tsvera snova nad Krymom. Vossoedinenie Kryma s Rossiey. 2014 god]. *Istoriya Kryma*. Moscow, 2015. P. 452–461.
21. Ryabov O. V. Mother and Mother-in-Law: Symbols of Mother Russia in Legitimization of the Crimea Annexation to Russian Federation [Mat' i machechka: materinskii simvol Rossii v legitimatsii prisoedineniya Kryma k Rossiskoy Federatsii]. *Zhenshchina v rossiskom obshchestve*. Ivanovo, 2014. P. 40–50.
22. Ryabova E. I. Review of Multi-Author Book "History of the Crimea" [Retsenziya na kollektivnyu monografiyu "Istoriya Kryma"]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2015. № 2 (80). P. 183–184.
23. Samigullin V. K. The Crimea: historical and legal aspects [Krym: istoriko-pravovoy aspekt]. *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2014. № 3 (65). P. 13–19.
24. Senyushkina T. A. Reunification of the Crimea and Russia as an ethno-political process [Vossoedinenie Kryma s Rossiey kak etnopoliticheskiy protsess]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2015. Vol. 11. № 4. P. 75–91.
25. Starikov N., Belyaev D. *Rossiya. Krym. Istoriya* [Russia. The Crimea. History]. St. Petersburg, 2015. 256 p.
26. Fortunova M. G. Russian Mass Media and Reunion of the Crimea and Russia, Content Analysis Case [Rossiyskie SMI o vossoedinenii Kryma s Rossiey: opyt kontent-analiza]. *Mezhdunarodnyy zhurnal ekonomiki i obrazovaniya* [International journal of Economics and Education]. 2016. № 2. P. 94–100.
27. Tsykunov G. A. Historical and legal bases of the Crimea's inclusion in the Russian Federation [Istoriko-pravovye osnovy vkhodeniya Kryma v sostav Rossiskoy Federatsii]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Baikal State University]. 2015. Vol. 25. № 3. P. 550–555.
28. Shirokorad A. B. *Bitva za Krym. Ot protivostoyaniya do vozvrashcheniya v Rossiyu* [Battle for the Crimea. From Stand-off to the Return to Russia]. Moscow, 2014. 352 p.
29. Shirokorad A. B. *Krym – 2014. Kak eto bylo?* [The Crimea – 2014. How did it all happened?]. Moscow, 2016. 352 p.
30. Golousova E. S. The reunification of the Crimea as viewed by the Turkish media // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2015. № 5. P. 227–254.

Поступила в редакцию 10.10.2016